

— Если в моё отсутствие с его головы упадёт хоть один волосок, то только ты будешь привлечён к ответу. Понял?

— Понял, Ваш слуга всё понял.

Чан Дэфу слегка закивал головой, больше напоминая курочку, клюющую крупу.

В душе мужчина прекрасно понимал, что, так или иначе, с сегодняшнего дня его никчёмная жизнь придворного слуги будет связана с жизнью Его Высочества Юн Ци, который был необычайно важен для наследного принца. При этом слуга совершенно не беспокоился о том, что и смерти их теперь тоже связаны.

Юн Ци даже не догадывался, с чем сегодня ночью столкнулся Чан Дэфу.

Хорошо выспавшись, юноша открыл глаза и увидел, что прильнул к сильной груди Юн Шаня. Юн Ци сразу же пришёл в себя. Залившись краской стыда, юноша поднялся и, усевшись в постели, пролепетал:

— Это... Это...

— Это слишком безответственно, — улыбнулся Юн Шань, вернул юношу в свои объятия и с нотками игривости спросил: — Почему старший брат, обладая умением предсказывать судьбу, как будущая императрица, не смог этого предвидеть?

— Юн Шань, отпусти...

Но младший брат, конечно же, не собирался отпускать его. Юноша обнял Юн Ци и прикоснулся к его нежной и гладкой щеке. Поглаживая её, Юн Шань прижал старшего брата к своей груди, собранно и неторопливо говоря:

— По правде сказать, в моём дворце всё ещё не достаёт жены наследного принца. Старший брат не хочет помочь мне советом?

Шутка Юн Шаня рассердила юношу, и тот пристально посмотрел на младшего брата.

Однако от природы Юн Ци был мягким человеком, поэтому его немного сердитый и осуждающий взгляд, которым он одаривал младшего брата, в глазах Юн Шаня совершенно не выглядел устрашающе.

Наследный принц, наоборот, вместо того, чтобы испугаться, с жадностью и удовольствием смотрел на сердитого Юн Ци. Разглядывая его красивое и хмурое лицо, юноше показалось, что старшему брату нездоровится. Только тогда Юн Шань ясно осознал, что был недостаточно

нежен. Прошлой ночью, потеряв рассудок, а также забыв про заботу, он мучил и изводил Юн Ци своим страстным натиском.

Тело его старшего брата было очень слабым, и при любой вспышке боли юноше сразу же становилось плохо.

— Старшему брату не стоит сердиться. Если хочешь покинуть постель, то сначала оденься как можно теплее, а то замёрзнешь. — Юн Шань ослабил хватку и через мгновение принял вид хорошего младшего брата. Боясь, что Юн Ци может вновь рассердиться, юноша, с трудом поддерживая тело, поднялся с кровати. Затем сразу же поспешно откинул ватное одеяло, взял для Юн Ци приготовленную одежду и передал её старшему брату, положив всё на кровать.

Юн Ци пребывал в нерешительности от того, что осмелился вредничать. Он взял вещи, что дал ему Юн Шань, и молча стал переодеваться.

Сейчас под одеялом Юн Ци был полностью обнажён, так как прошлой ночью с него сняли всю одежду. Когда юноша сел на кровати, одеяло сползло с его тела, обнажая округлое плечо. Пронизанная светом кожа в глазах Юн Шаня была соблазнительным и лакомым кусочком.

Юноша знал, что младший брат смотрит на него, однако вновь набраться смелости и прогнать его он был не в состоянии. Зардевшись, Юн Ци низко опустил голову и, шурша под одеялом, надел нижнее и верхнее платья. Закончив одеваться, Юн Ци покинул постель.

Наследный принц, который всё это время не сводил взгляда с юноши, тихо спросил:

— Старший брат может сидеть? Рано утром, когда ты не мог встать на ноги, я приказал перенести урок. Если старшему брату неудобно сидеть на стуле, то после обеда я могу и вовсе отменить занятия.

Сразу же шея Юн Ци покрылась румянцем, став почти кроваво-красной.

Тут Юн Шань понял, что перегнул палку и, боясь, что старший брат действительно рассердится, захотел умереть, чтобы сполна загладить свою вину за столь пренебрежительные слова. Но до его ушей долетел тонкий голосок Юн Ци, который больше напоминал писк комара:

— Идём.

— Что?

— Не нужно отменять занятия.

Таким образом, неудача благоприятно миновала, чему Юн Шань очень обрадовался. На улице весь день и всю ночь шёл снег и, казалось, ему не было конца. На фоне этого большого снегопада маленький дворец наследного принца казался тёплым и уютным.

Юноши переоделись, и Юн Шань приказал слугам принести горячую воду для умывания.

Только сейчас, пробудившись после долгого сна, Юн Ци узнал, что настало время обеда. Юноша крайне редко просыпался так поздно, кроме тех моментов, когда болел.

Юн Ци никак не предполагал, что наряду с ним, Юн Шань каким-то образом тоже уснёт крепким сном.

Этот младший брат, по слухам, всегда был сдержан и владел собой.

Раньше, когда они с Юн Линем были вместе, он иногда слушал, как последний рассказывает о своём старшем брате-близнеце.

Когда-то Юн Линь сказал:

— Мой старший брат Юн Шань как отлитый из железа прут: даже будучи сыном императора, он не знает, что такое наслаждаться счастьем. Он с утра до ночи не только тренируется военному делу, но и учится, и, несмотря на это, он целыми днями полон сил, которые неиссякаемы. Он с отчаянной жестокостью относится к себе, поэтому, когда многие увидели это, стали считать, что он хочет сдать экзамены по управлению страной и ведению боя, и стать чжуаньюань [1] — образцом для подражания во всём государстве. Но тогда он не узнает, что такое радость и веселье.

И этот сын императора, а позже и наследный принц, сегодня тоже проспал до обеда.

В душе Юн Ци подумал, что, вероятно, похоть нанесёт ущерб стране. В таком случае как тогда он станет образцом для подражания во всём государстве?

Думая об этом, Юн Ци заметил, что его сердце стало постепенно заполняться заботой, и юноша глубоким взглядом посмотрел на Юн Шаня.

Младший брат тотчас же заметил это и, смеясь, спросил:

— Думаешь, что я сегодня особенно красив? Настолько, что не можешь отвести от меня взгляда?

В ту самую минуту в комнату ворвался любезный до глубины души Чан Дэфу, чтобы узнать, стоит ли сейчас подавать рис. На что Юн Шань слегка кивнул и, потянув за собой Юн Ци,

отправился в соседнюю комнату, чтобы пообедать.

На этот раз кушанья, вопреки ожиданиям, были приготовлены ещё лучше, чем обычно: вкусные и нагоняющие аппетит блюда, от которых текли слюнки и которые хотелось сразу же попробовать. Видя, как стол ломится от любимых блюд Юн Ци, можно было подумать, что это именно он хозяин дворца.

Среди блюд были куриные лапки с красным лотосом. Блюдо было полито тёмно-золотистым соевым соусом, а корень лотоса тушился до такой степени, что стал розового оттенка. Палочки для еды тотчас же были разделены. Почувствовав аромат лапок, который соблазнял и пробуждал аппетит, Юн Ци больше не мог удержаться.

К сожалению, судьба, как всегда, была не благосклонна к трапезе братьев. Они ещё не успели съесть и половину блюд, когда к ним вновь явился незванный гость.

На пороге появился Чан Дэфу. Вид у евнуха был таким, словно его только что отругали. Хмуря брови, слуга вошёл в комнату и шёпотом доложил:

— Ваше Высочество, прибыл Его Высочество Юн Шэн.

Юн Ци невольно оцепенел.

В такой холодный и снежный день зачем Юн Шэн ни с того ни с сего приехал сюда?

Юноша посмотрел на Юн Шаня. Тот, немного перекусив, положил Юн Ци ложку его любимого тофу с юньнаньским окороком, говоря:

— Съешь ещё немного, а то он остынет и станет невкусным. — После чего юноша медленно повернул голову и, смотря на Чан Дэфу, без раздумий проговорил: — Пригласи его пройти в маленькую зимнюю комнату. Пускай располагается, я сейчас подойду.

Чан Дэфу предполагал, что и в этот раз юноша покачает головой и откажет Юн Шэну в аудиенции. Но, услышав приказ Юн Шаня, слуга в душе обрадовался и, проронив лишь «слушаюсь», сразу же вышел из комнаты.

Юн Шань взял палочками еду и вновь помог наполнить миску Юн Ци. Одновременно приказывая и предупреждая, юноша с улыбкой проговорил:

— Чтобы всё у меня съел. Оставишь хоть крошку, и вечером я найду другой способ накормить старшего брата.

Закончив говорить, юноша подошёл к двери и, подняв занавеску, вышел из комнаты.

Поднеся к себе миску с едой и поразмыслив какое-то время, Юн Ци наконец-то понял, каким это «другим способом» и как именно Юн Шань будет «кормить старшего брата». От осознания всего этого юноша застыл, словно изваяние.

Его лицо тотчас же залилось стыдливым румянцем.

На его счастье, в комнате никого не было, иначе юноша вновь захотел бы найти трещину в земле и провалиться сквозь неё.

Юн Шань вышел за дверь и встретился с Чан Дэфу, который уже сопроводив Юн Шэна в зимнюю комнату, шёл обратно к своему господину. Увидев Юн Шаня, слуга подошёл ближе и, следуя за ним, вновь проговорил:

— Есть ещё кое-что, что Ваш слуга хотел бы доложить Вашему Высочеству. Недавно государыня велела слугам взять несколько портретов и доставить их сюда, сказав, что у знати и министров есть довольно неплохие дочери, каждая из которых ведёт себя благопристойно и стро...

Юн Шань, ещё несколько минут назад шутивший на эту тему с Юн Ци, сейчас, услышав слова слуги, нашёл их забавными, однако лицо его не выражало какой-либо радости. Слегка фыркнув, юноша спросил:

— Сколько портретов доставили ей?

— Тридцать два.

— Тридцать два? — не сбавляя шаг, переспросил Юн Шань и, не дожидаясь ответа, продолжил:
— Когда именно она отправила их сюда? И к тому же в каком количестве?

— Этого... Ваш слуга не знает.

Юн Шань повернулся и, одарив порицательным взглядом слугу, прошептал:

— Такая мелочь, а ты не можешь с ней справиться. Как после этого ты можешь называться моим управляющим? Отправляйся к моей матушке и выясни, портреты чьих министерских дочерей она отобрала и сколько отправила сюда, а потом доложишь мне.

Чан Дэфу поспешно кивнул и немедленно отправился исполнять приказ Его Высочества.

Отдав распоряжение, Юн Шань вновь направился к зимней комнатке. Но почти дойдя до двери, юноша внезапно что-то вспомнил и остановился.

Придворный лекарь Чэнь перебинтовал ему лоб, однако ещё вчера, когда Юн Шань, вернувшись к себе, стал умываться, эта повязка благополучно была снята. Из-за такой маленькой ранки, да ещё и снегопада, Юн Шань не захотел тревожить лекаря и просить его прийти перевязать его. Вместо этого юноша лишь смазал ранку лечебной мазью, что делали во дворце наследного принца.

Юн Шань поднял руку, коснулся лба и, развернувшись, направился в кабинет, где подзвал к себе слугу, приказывая:

— Найди небольшой отрезок бинта и перевяжи мой лоб.

Слуга вздрогнул от испуга:

— Тело Вашего Высочества бесценно, а Ваш слуга совершенно ничего не понимает в искусстве врачевания. Лучше позвольте Вашему слуге найти придворного лекаря и...

— Э? Я разве просил найти придворного лекаря?

Лицо Юн Шаня было равнодушным и холодным, а одна его фраза повергла слугу в парализующий ужас.

И слуга немедленно, словно у него было семь рук и восемь ног, нашёл бинт и с огромной осторожностью стал перебинтовывать рану. Перевязав лоб, слуга робко и боязливо протянул бронзовое зеркало:

— Ваше Высочество, всё готово, Ваш слуга не знает этого ремесла, поэтому прошу Ваше Высочество, ни в коем случае не осуждайте...

Мельком посмотрев в зеркало, Юн Шань проговорил:

— Можно считать, что ты перебинтовал, как придворный лекарь Чэнь.

Тотчас же юноша протянул руку к углу стола, где лежала старинная каменная плиточка, которая придавливала листы бумаги во время письма, и вручил её слуге:

— Это тебе в благодарность. Только держи язык за зубами, я ненавижу, когда им мелют попусту. Если сегодняшней ветер разнесёт то, что здесь произошло, то я решу, что это ты разболтал.

Подвергшись поощрению и в то же время гневу Его Высочества, слуга опустил голову, будто его кости разом стали мягкими, и быстро закивал, повторяя:

— Ваш слуга не осмелится, Ваш слуга не осмелится...

После того как слуга позаботился о нём, Юн Шань прикоснулся к перебинтованному лбу и, поднявшись на ноги, отправился в комнату навстречу с ненавистным Юн Шэном.

Тот находился в зимней комнатке и с нетерпением ждал Юн Шаня. Оглядываясь по сторонам, он увидел входящего в двери наследного принца. Немедленно поднявшись на ноги, Юн Шэн исполнил небольшую церемонию приветствия и особенно ласково спросил:

— Старший брат Юн Шань уже пришёл? Я не потревожил трапезе старшего брата?

— Ничего. — Юн Шань пригласил его сесть и перешёл сразу к делу: — Почему вместо того, чтобы в такую снежную погоду сидеть во дворце, ты решил приехать ко мне? Случилось что-то срочное?

С того момента, как Юн Шань вошёл в двери комнаты, Юн Шэн не смог сдержаться и всё время смотрел на его перебинтованный лоб. Услышав вопрос, юноша, охваченный сильным беспокойством, вздохнул:

— Говорят, старший брат вчера всё же встретился с отцом-императором, а мне же с ним так и не удалось увидеться. Меня одолевает беспокойство, поэтому я приехал сюда, чтобы узнать, насколько сильно болен отец-император. Увы, кто бы мог подумать, что родному сыну правителя Поднебесной и то не посчастливится ухаживать за больным отцом. Да, кстати, говорят, что старший брат настолько хотел остаться в его спальне и заботиться о нём, что даже не пощадил своего лба, разбив его в кровь. Но отец-император всё же не позволил ему остаться, что произошло? Ведь он души не чает в старшем брате.

Юн Шань посмотрел на лицемерного младшего брата и почувствовал, как тошнота подступила к горлу. Юноша действительно не понимал, как так получилось, что отец-император смог дать жизнь не только прекрасному старшему брату Юн Ци, но ещё и этому негодю.

Юн Шань в глубине души холодно усмехнулся, однако на лице появился взволнованное выражение и, также вздохнув, он проговорил:

— Никогда бы не подумал, что пятый младший брат может быть таким заботливым. Я также до сих пор не понимаю, где я мог ошибиться. Должно быть, я сказал что-то такое, что было некстати, чем разозлил отца-императора. Во всяком случае... Хватит, это не такое уж важное дело, и говорить о нём крайне бессмысленно. Пятый младший брат уже обедал? Ты редко приезжаешь сюда и редко присоединяешься к трапезе со старшим братом. — Обернувшись, юноша хотел позвать и приказать Чан Дэфу приготовить еду для Юн Шэна.

Но Юн Шэн поспешно помахал рукой:

— Старший брат, не стоит беспокоиться, я уже обедал.

Примечания:

[1] Это высшая степень в Государственных экзаменах в императорском Китае.

<http://bllate.org/book/13372/1189585>